

вокруг имен: русские актрисы Нееловы-Дальские

моск. правда. — 1991. — 16 сент. — с. 3.

Три грации, рожденные для счастья

Как утверждают те, кто знал, видел этих пленительных женщин, они были красивы, словно богини. Мало того, они были похожи меж собой, что нетрудно заметить и сейчас. Мало того, все три были драматическими актрисами. Но, наверное, самое важное в этих именах — Магдалина, Екатерина и Вера — то, что две первые — родные сестры легендарного русского трагика Мамонта Викторовича Дальского. А третья, Вера, — его любимая дочь. И даже облик своим — крупной лепкой лица, огромными черными глазами они схожи с несравненным Мамонтом Дальским. Но если о «русском Кине», как называли современники артиста петербургского Александринского театра, сегодня можно многое узнать из монографий, театральной критики разных времен, то его сестры и дочь остаются до сих пор в тени артистического блеска непревзойденного Мамонта Викторовича.

И все же не актерский путь Магдалины, Екатерины и Веры, не их роли, антрепризы и труппы меня занимают. Каждая из трех этих женщин, блестяще начав свою артистическую и жизненную карьеру, закончили ее трагически.

Первой жертвой жизненных обстоятельств или несправедливости — теперь этого не докажешь — стала Магдалина. Старший Дальский безумно любил именно эту свою сестру. Он еще в детстве называл ее ласково — Дая, Даленька. Да и свой сценический псевдоним Мамонт Неелов произвел от имени обожаемой им сестры. Позже и сама Дая, и Катя («на театре» тоже стали Дальскими).

Так что случилось с Магдалиной? Как и сестра, а затем и их племянница, она работала и жила в конце XIX — начале XX века в Москве. Известно, что сам Мамонт Викторович не отличался ровным характером. Вспышки гнева, срывы настроения до меланхолии отличали характер премьера. Магдалина и в этом походила на брата. Экцентричная, любившая всевозможные эпатажи, она, вспоминая, любила, например, прокатиться по Тверской с ручным медвежонком, пугая обывателей. На Самотеке и сейчас стоит прекрасный особняк, «брошенный» к ногам роскошной женщины одним из ее поклонников — купцом Стахеевым. Жила ли она в нем, сдавала ли — этого внучка Екатерины Викторовны, Нина Петровна Панфилова, уже не помнит. Бывшая замужем за держателем частной московской оперы Зиминым, Магдалина вскоре с ним рассталась, открыв свой ангажемент. Но не в ее характере, видно, была организаторская

М. Дальская.

деятельность. Вскоре труппа стала прогорать. Спасли могли только деньги. Ей их предложил тот же купец Стахеев, но... при суровом условии: расстаться с молодым человеком по фамилии Бартенев, безумно в нее влюбленным, верно, находившим взаимность актрисы. Дело дальнее. Как все было в действительности, теперь не скажет никто, ибо полиция застала уже умиравшего любовника, залитого кровью, на руках актрисы. В приговор суда, гласивший, что Магдалина Дальская — убийца, Мамонт Викторович не поверил. В версию актрисы о самоубийстве Бартенева при ее требовании расстаться с ней не поверил суд. Ей осталось в удел — умереть от скоротечной чахотки в тюрьме. Все попытки знаменитого брата вызвать ее оттуда были бесполезны.

Говорят, Дальский переживал смерть любимой им сестры до конца дней своих. До того рокового момента, когда в переполненном трамвае, спасая женщину, отнесенную, как всегда, безумной московской толпой к открытому выходу, сам не сорвался под колеса. Надо сказать, что в трамвае Мамонт Дальский ехал впервые. Он не навидел эти грохочущие казармы, предпочитая пролетки.

Вероятно, суд над Магдалиной, да и вся история с убийством или самоубийством Бартенева широко была оглашена газетами. Во всяком случае, внучка Мамонта Викторовича, дочь Веры Мамонтовны, Ирина Александровна Барановская, до недавних пор хранила тот номер журнала «Рампа», издававшийся в Москве до революции, который открывался огромными фото-портретами участников этой жестокой драмы. Расстрел во время гражданской двух сыновей Магдалины Викторовны, офицеров — белогвардейцев, поставил последнюю роковую точку в истории любимой сестры Мамонта Дальского.

В. Дальская.

А Нина Петровна Панфилова, внучка Екатерины Дальской, передала мне слышанный от ее матери рассказ о том, что жена разорившегося, обедневшего уже к концу века помещика Виктора Неелова, отца актеров, по происхождению серба, буквально захлопнула двери родительского дома перед тремя своими сыновьями и двумя дочерьми, решившими связать свою жизнь со сценой. Актерство на Руси всегда считалось не достойным дворянского сословия. В родном доме осталась лишь одна сестра Софья. Именно она пережила своих известных родственников, умерев уже в наше время. Нина Петровна хорошо помнит ее, но говорит о ней без энтузиазма. Благополучие, выгодный брак с французским инженером-путейцем, богатое наследство мужа во Франции — так беспхлоотно сложилась ее жизнь, не прибавив ей ничего, чего лишила природа, — ни женского обаяния, ни таланта, ни доброты, ни просто житейской мудрости.

Так уж случилось, но именно о своей бабушке — актрисе Екатерине Дальской ее внучка помнит меньше всего, хотя хранит ее письма, фотографии. Ее жизнь тоже, как у других Нееловых-актеров, складывалась сначала вполне счастливо.

Однако, как ни благополучен был брак Екатерины Дальской с М. Левенштейном, врачом-психиатром, судьба русских актрис — подвижниц, хорошо знакомая нам по чеховской Нине Заречной, актрисе Елене Кручинной из пьесы А. Островского «Без вины виноватые», стала уделом и этой московской красавицы. Бесконечные гастроли, перемена трупп, роли, роли — все это не вписывалось в размеренный образ жизни семьи врача. Они расстались, и маленькая дочь, Лялочка, осталась с отцом.

Но мать ее любит, помнит, пишет письма, высылает книги и всегда ждет весточек от дочки. В 1917-м, накануне известных

Е. Дальская.

событий, перевернувших жизнь России, Екатерина Дальская уезжает на гастроли в Прибалтику. Это последнее, что известно о ней. Ни письма, ни другой весточки не дошло до ее дочери. Правда, Нине Петровне Панфиловой, внучке, не дает покоя не столь давнее воспоминание. Отдыхая в Паланге, забрела она однажды на кладбище. На одной из могильных плит, упавшей в зелени травы, с трудом, но прочтала фамилию «Левенштейн», без инициалов. Была ли то могила актрисы — ведь по документам она носила фамилию мужа, — случайное ли совпадение имен, кто скажет? И эта жизнь оборвалась вопросом...

И, наконец, третья из красавиц Нееловых — Вера. Она родилась от счастливого поначалу первого брака Мамонта Викторовича Дальского и дочери генерал-губернатора Вильно Татьяны Тарасовны Григорьевой. Этот брак, заключенный почти в тайне от родителей невесты, был недолг, но подарил актеру обожаемую им дочь. И опять, как и в случае с ее тетками, жизнь вначале улыбалась Вере Мамонтовне. Ее учителем был сам Дальский, в труппе которого она играла. Обаятельная, живая, прекрасно певшая цыганские романсы, окруженная бесконечными поклонниками и любовью отца, Вера Мамонтовна, ставшая позже актрисой Малого театра, жила, казалось, беспечно. Она бывала за границей, подолгу в Париже, где приняла однажды участие в конкурсе красоты, «сорвав», как бы мы теперь сказали, восторг и аплодисменты публики, присвоившей ей первое место среди съехавшихся сюда красавиц.

В 1916 году у нее родилась дочь Ирина, которую по просьбе Дальского крестил его большой друг Федор Шаляпин. Позже Вера Мамонтовна стала близким человеком для Ирины Федоровны Шаляпиной, а потом такая же дружба скрепила стар-

шую дочь Шаляпина с дочкой Веры Мамонтовны. Вера многое унаследовала в характере от своего великого отца — любовь к острому словцу и ироничность, нежелание скрывать то, что не нравится, и скепсис, часто посещавший ее, умную, тонкую женщину, в созерцании «буден великих строек». Ирина Александровна Барановская, дочь, вспоминает, как шла однажды с матерью по улице, где-то в центре. Их взгляд привлекли огромные портреты ударников труда. Вера Мамонтовна заметила: «Зачем меня пугают этими плохо нарисованными лицами? Я-то что, не работаю? Раньше публично выставляли только тех, кого надо опасаться...».

Эта нелюбовь к навязываемым стереотипам новой жизни, да и непорядочность некоторых из тех, кто ее окружал, привели к трагедии. В 1944 году, когда дочь Веры лежала в госпитале с дистрофией после фронта, ее мать была арестована. Ее выслали на вольное поселение в Сибирь, в село Дзержинское на три года.

Дочь и муж помогали, как могли, слали деньги, посылки, но чаще всего они не доходили. Если бы рядом с Екатериной и Магдалиной оказалась в их последний час такая же добрая душа, как автор письма о смерти Веры, не были бы для нас неизвестными и их последние дни. А там, в Сибири, в горе, в голоде, в холоде жила рядом с дочерью Дальского простая русская женщина, до мелочей описавшая трагическую гибель Веры Мамонтовны, даже не сообщив своей фамилии. Только подпись, разобрать которую трудно. «Она умерла в больнице от крайнего истощения, пеллагры. Жить ей было нелегко. Деньги не приходили, и хозяйка, у которых она снимала угол, выгнали ее. Стоял декабрь. Худая, обобшившаяся, она на коленях умоляла разрешить ей погреться на почте, а к вечеру ее снова выталкивали на улицу. Наконец, силы оставили Веру. Подобрали ее без сознания, почти окоченевшую...». По словам автора письма, Веру Мамонтовну ссыльные очень уважали, любили, жалели. И, наверное, не только за то, что была она дочерью гениального русского актера, в крови которого текла кровь и Абрама Ганнибала.

Три грации. Три красавицы. Три таланта. Скажешь ли, глядя на эти фотографии, что им был уготован столь тяжкий жребий?

Говорят: актер это не профессия, это судьба. Но нет, верно, трудней судьбы, чем у русских артистов.

Т. ГЛИНКА.